

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.48.59>

ЧТО КОЧЕВНИКИ ЗАИМСТВОВАЛИ У ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ И НАОБОРОТ: ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

©2024 г. В.А. Иванов

В настоящей статье проверяется гипотеза о возможном прямом взаимодействии оседлых племен лесного Поволжья и Предуралья – мордвы, марийцев и финно-пермяков – предков удмуртов с кочевниками степной полосы региона – печенегами, огузами и кипчаками/половцами – в X–XIV вв. С одной стороны известно, что Волжская Болгария, начиная с XI в., выступала как транслятор импульса в развитие материальной культуры оседлых и (это менее известно) кочевых племен региона. С другой стороны можно допустить, что кочевники и оседлое население могли контактировать напрямую, поскольку в материальной культуре тех и других присутствуют общие компоненты. В этом плане особенно интересными являются X–XI вв., когда Волжская Болгария в своем экономическом развитии ещё не достигла уровня ареалообразующего фактора в регионе. Однако результаты сравнительно-статистического анализа комплексов материальной культуры оседлых и кочевых племен Поволжья и Предуралья полностью разрушают эту концепцию. Это лишний раз подтверждает идею о том, что мир кочевников и мир оседлых лесных племен – это две совершенно разных ментальности, культурная связь между которыми невозможна.

Ключевые слова: мордва, марийцы, финно-пермяки, печенеги, огузы, кипчаки/половцы, торговые связи.

WHAT NOMADS BORROWED FROM THE SEDENTARY POPULATION AND VICE VERSA: BASED ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE VOLGA-URALS

V.A. Ivanov

This article tests the hypothesis about the possible direct interaction of the sedentary tribes of the forest Volga region and Cis-Urals - the Mordvins, Mari and Finno-Permyaks - the ancestors of the Udmurts with the nomads of the steppe zone of the region - the Pechenegs, Oguzes and Kipchaks / Polovtsians - in the X–XIV centuries. On the one hand, it is known that Volga Bulgaria, starting from the 11th century, acted as a transmitter of the impulse for the development of the material culture of settled and (it is less known) nomadic tribes in the region. On the other hand, it can be assumed that nomads and settled populations could have direct contact, since the material culture of both has common components. In this regard, the X–XI centuries are of special interest, when Volga Bulgaria in its economic development had not yet reached the level of an area-forming factor in the region. However, the results of a comparative and statistical analysis of the material culture complexes of settled and nomadic tribes in the Volga and Cis-Ural regions completely destroy this concept. This once again proves the idea that the world of nomads and the world of settled forest tribes are two completely different mentalities, the cultural connection between which is impossible.

Keywords: Mordvins, Mari, Finno-Permyaks, Pechenegs, Oghuzes, Kipchaks/ Polovtsians, trade relations

Вопрос о взаимодействии кочевого и оседлого миров на всем протяжении их истории в дискуссионном плане не стоит. Никто из исследователей не сомневается в том, что оба эти мира постоянно контактировали между собой, поскольку, во-первых, «интересы степняков были обращены главным образом на своих оседлых соседей, с которых они получали земледельческую и ремесленную продукцию» (Крадин, 1992, с.163),

и во-вторых, «номадам нужна пища земледельцев, богатая протеином, они нуждались в изделиях ремесленников, шелке и оружии, в изысканных украшениях для своих вождей, их жен и наложниц. Все это можно было получить мирной торговлей с земледельцами или войной. Кочевники использовали и тот, и другой способы» (Крадин, 2020, с. 102).

В приведенных цитатах, на мой взгляд, исчерпывающе обозначены причины и харак-

тер взаимодействия кочевников с оседлым миром. Правда, в исследованиях, из которых они взяты, речь идет об отношениях кочевых обществ Восточной и Центральной Азии с оседло-земледельческими цивилизациями этих регионов. Но были ещё кочевники центра Степной Евразии (или востока Восточной Европы), и они также могли контактировать с оседлым населением, не относящимся к категории оседло-земледельческих цивилизаций. Речь идет об оседлых племенах – финских, финно-пермских и угорских – лесного Волго-Камья и Предуралья.

То, что они имели торговые (а некоторые исследователи полагают, что и военные) контакты с кочевниками Восточноевропейских степей в трудах современных исследователей Волго-Уральского региона, хотя подробно не обосновывается, но а priori подразумевается. Я не буду здесь касаться периода середины – второй половины I тыс. н.э. (эпоха Великого переселения народов и её продолжение), когда лесостепные и лесные территории Волго-Камья и Предуралья являлись ареной активных миграционных и этнокультурных процессов, в которых кочевники Евразийской степи играли немаловажную роль. Ограничусь временем X-XIV вв., когда в степях Волго-Уралья последовательно сменяли друг друга печенеги, огузы, и кипчаки/половцы. А в регионе Волго-Уралья, начиная с X в., возрастает, по сравнению с предшествующим временем, товарообмен между странами ислама и Европейским миром. Главным транзитным пунктом этого обмена становится молодое государство Волжская Булгария (Кирпичников, 2001, с. 27; Петрухин, с. 158-159). Она же – Булгария – начинает выступать и как генератор культурных импульсов для народов региона (Белавин, 2000, с. 104-106; Крыласова, 2001, с. 208; Никитина, 2002, с. 149-151; Никитина, 2023, р. 174-175; Иванова, 2022, с. 664-666).

Существует мнение, имеющее выраженный дискурсивный характер¹, о том, что кочевники могли тоже выступать посредниками в товарообмене между южными торгово-ремесленными центрами и населением лесной полосы Евразии. Насколько оно соответствует реальности, можно было бы судить, во-первых, по сведениям средневековых нарративов, во-вторых, по результатам сопоставления археологического материала

из соответствующих памятников. Например, те же самые украшения и элементы убранства костюма (пояса), если они попадали в лес при посредстве кочевников, должны быть в равной степени широко представлены и у тех, и у других.

Восточные авторы IX-XII вв. – Масуди, Бакри, Хордадбех, Ибн Русте, Ибн Фадлан, Гарнати – перечисляют ассортимент товаров, которые русские (норманские), болгарские, хорасанские купцы вывозили из «северных стран» и от буртасов (мордвы). Это пушнина, мед, рыба и рыбий клей и даже бивни мамонта и древесина березы, из которой изготавливались древки стрел (Хвольсон, 1869, с. 21, ; Куник, 1903, с. 129; Заходер, 1962, с. 242; Монгайт, Большаков, 1971). Что они ввозили, об этом нарративисты умалчивают.

Впрочем, ал-Гарнати сообщает, что одним из товаров, ввозимых в «страну Йура и Вису» (лесное Прикамье) из стран ислама, были клинки мечей (сабель) (Монгайт, Большаков, 1971, с. 17). И действительно, в комплексах X-XI вв. могильников родановской культуры – Агафоновский I, Баяновский, Плотниковский, Огурдино, Рождественский, Степаново Плотбище, Плёс и др. – найдены 47 сабель или их фрагментов (Данич, 2022).

Примечательно, что кочевники в контексте торговых связей оседлого населения Волго-Камья с южными странами не упоминаются вообще. Более того, А.А.Куник полагал, что «смертельный удар этой торговле был нанесен притекавшими все в большем количестве к Волге и в Западную Азию второстепенными тюркскими ордами²,...» (Куник, 1903, с. 125, прим. 1).

Попытка выяснить на археологическом материале, влияли ли кочевники на формирование набора украшений и костюмного убранства у оседлых племен Волго-Камья и наоборот не увенчалась успехом: ассортимент украшений и костюмного убранства у кочевых и оседлых племен лесного Волго-Камья и степного Предуралья был разным (Иванов, Крыласова, 2006).

Вместе с тем отмечено, что в материальной культуре оседлого – мордва, марийцы, финно-пермяки (чепецкая и родановская культуры) – и кочевого (огузы, печенеги, кипчаки/половцы) населения рассматриваемого региона присутствуют весьма схожие вещи. Особенно выделяются довольно многочисленные элементы

Рис. 1. Похожие элементы материальной культуры финнов, финно-пермяков и кочевников (печенегов, огузов, кипчаков/половцев) Волго-Уралья X–XII вв.

1 – поясные пряжки; 2 – поясные накладки; 3 – наконечники ремня; 4 – удила; 5 – стремена; 6 – копьё (пика); 7 – костяные накладки лука; 8 – топор.

Fig. 1. Similar elements of material culture of Finns, Finno-Permyaks and nomads (Pechenegs, Oghuzes, Kipchaks/Polovtsians) of the Volga-Ural region of the X–XII centuries. 1 – belt buckles; 2 – belt mounts; 3 – belt endpiece; 4 – bridles; 5 – stirrups; 6 – spear (pike); 7 – bone plates of a bow; 8 – axe.

поясного декора – пряжки, накладки, наконечники ремней из погребальных комплексов X–XII или первой половины XIII вв. (рис. 1).

Однако считать, что поясная гарнитура попадала к оседлым племенам Волго-Камья и Предуралья от кочевников или при их участии не приходится. Во-первых, сравнительная статистика встречаемости поясной гарнитуры в погребениях огузов, печенегов и кипчаков/половцев и у мордвы, марийцев и прикамских финно-пермяков (чепецкая, родановская культуры) обнаруживает следующие результаты. У кочевников частота встречаемости предметов этой категории материальной культуры – целый поясной набор, отдельные накладки, наконечники ремня и пряжки – составляет 19,5% от 961 погребения³. Тогда как в могильниках оседлых племен (а это более 2000 погребений) одни только полные пояса с разными дополнительными привесками встречены в 25% погребений. Причем – женских.

Во вторых, у оседлых племен региона в рассматриваемое время складывается собственное ювелирное ремесло (Крыласова и др., 2019; Никитина, Ефремова, 2011; 2012). А на Родановом городище, например, обнаружена целая мастерская по производству поясной гарнитуры. Причем, специализированная на массовое производство: «технологические операции, связанные с литьем поясной гарнитуры в рассматриваемой мастерской, были направлены на получение больших серий изделий. Мастерская выпускала продукцию на основе копирования изделий местного и импортного происхождения» (Крыласова и др., 2019, с. 71).

Рассматривать кочевников в качестве «импортеров» поясной гарнитуры оседлым племенам Волго-Уралья тоже невероятно. В том числе и потому, что на ближайших к региону степных территориях нам известны только те кочевнические погребения, в которых найдены отдельные детали поясов (рис. 2). Поэтому наиболее реально освещающим данную ситуацию представляется мнение тех исследователей, которые рассматривают Волжскую Болгарию, как импортера поясной гарнитуры или её образцов для обитателей Волго-Камских лесов (Белавин, 2000, с. 104–110; Акилбаев, 2016).

Однако, существуют ещё и такие категории материальной культуры, как оружие и конское снаряжение, в развитии которых кочевники всегда лидировали. Следовательно, **можно предположить**, что какие-то образцы наиболее эффективного оружия могли быть заимствованы оседлым населением у кочевников. Но какие?

В условиях леса и лесостепи наиболее эффективной является тактика обороны в укреплениях – городищах (здесь лук и стрелы – самое универсальное оружие – оказывается и самым эффективным) или бой в пешем строю копьем, топором, – тоже универсальные виды оружия – булавой/кистенем, кинжалом⁴ и, конечно, тяжелым мечом.

Наиболее приближенной к реальности семиотика предметов вооружения может быть представлена только в контексте закрытых погребальных комплексов. Поэтому для сравнения мною были использованы данные по 419 погребениям огузов, печенегов и кипча-

Таблица 1. Частота встречаемости оружия и конского снаряжения в погребениях кочевников и оседлых племен Волго-Камья X–XII вв. (в %%)

Table 1. The frequency of occurrence of weapons and horse equipment in the burials of nomads and settled tribes of the Volga-Kama region of the X–XII centuries (in %%)

Оружие	Оседлые	Кочевники
Наконечники стрел железные	60,5	75,0
Наконечники стрел костяные	2,2	3,8
Накладки лука	0	36,5
Колчан (накладки, петли, детали каркаса)	2,8	31,5
Сабля	1,4	46,7
Копье, пика	19,7	7,1
Топор	59,4	1,9
Кинжал	2,6	0
Удила	8,4	91,4
Стремена	2,4	89,7
Седло	0	17,0
Всего погребений:	496	419

ков/половцев из степей Восточной Европы, содержащие предметы вооружения, и по 496 погребениям финнов и финно-пермяков Волго-Камья X–XII вв. из могильников, перечисленных выше. Результаты этой сравнительной статистики приведены в табл. 1.

Данные этой таблицы показывают, что набор вооружения (т.н. «паноплия») у этих племен был разным, хотя и состоял из схожих элементов. Какие из этих видов оружия могли быть предметом торгового обмена между кочевниками и оседлыми племенами? Ясно, что не наконечники стрел, примерно одинаково часто встречающиеся в погребениях тех и других. Стрелы и, соответственно, лук – тоже универсальное оружие – были в равной степени характерны для вооружения и степных всадников, и лесных пехотинцев. Правда, конструкции луков были явно различными: в отличие от кочевников, в комплексах лесных племен совершенно отсутствуют костяные накладки на лук, усиливавшие дальноточность и убийную силу этого оружия.

Точно так же в воинских захоронениях лесных племен отсутствуют берестяные колчаны, широко представленные у кочевников. Хотя какие-то колчаны у лесовиков, безусловно, были. На что указывают находки, правда, очень редкие, колчаных крючков и

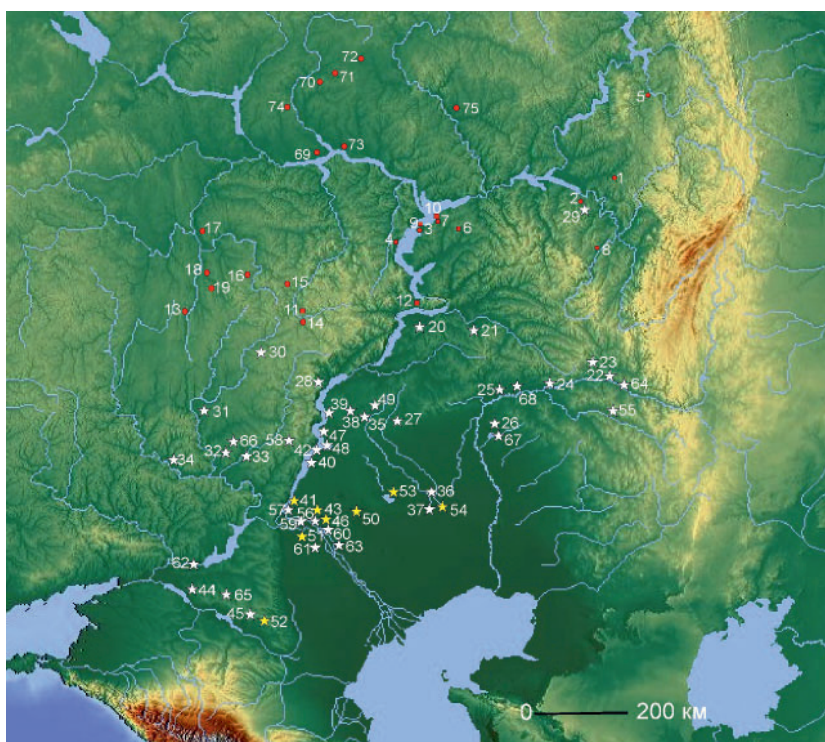
металлических деталей от каркаса, возможно, кожаного колчана (табл. 1).

Железные наконечники стрел и у тех, и у других, довольно однотипные: черешковые, плоские с ромбическим или треугольным пером (рис. 1). Т.н. «броневойные» наконечники – граненые с массивным пером – очень редки. Искать какую-то обменную связь между стрелами кочевников и оседлых племен Волго-Камья – занятие бесполезное. Исследователи финно-угорского оружия в регионе, отмечают самую широкую географию распространения аналогичных наконечников по всей территории Восточной Европы (Святкин, 2002, с. 12-23; Крыласова, 2019; Данич, 2011).

Сказанное относится и к топорам, в погребениях оседлых племен Волго-Камья встречающихся столь же часто⁵. Среди общей массы топоров исследователи выделяют особую группу боевых топоров-чеканов. Аналогии им тоже известны широко. Но, как считают исследователи, самые ранние их образцы в регионе появились в VIII–IX вв. благодаря аланам, а затем местное население освоило и их собственное производство (Святкин, 2001, с. 38; Данич, 2015, с. 74). В погребениях кочевников подобные топоры большая редкость (табл. 1).

Копье – третий по частоте встречаемости у лесных племен Волго-Камья вид оружия. У кочевников они тоже встречаются, заметно реже (табл.1). По форме пера делятся на несколько типов, из которых, в контексте заданной темы, нас интересуют граненые наконечники-пики и «шипастые» наконечники. Пика – это типичное оружие конного воина, предназначенное для нанесения таранного удара по защищенному доспехом противнику. Чаще всего это был разовый удар, поскольку вытаскивать пику из тела врага на полном скаку было просто невозможно⁶. Эффективность этого оружия, очевидно, и способствовала тому, что оно было воспринято и лесовиками – природными копеейщиками. Не исключено, что заимствовано и у кочевников, хотя география распространения в Восточной Европе была обширной.

«Шипастые» наконечники, по мнению одних исследователей были типично охотничьим оружием (А.Н.Кирпичников), что, в принципе, вполне логично для лесного населения Волго-Камья. С другой стороны, они

● могильники оседлых и полукочевых племен

■ - города домонгольской Болгарии;

Погребения кочевников X-XII вв.:

★ - с полным поясным набором

☆ - с отдельными элементами
поясной гарнитуры

Рис. 2. Карта памятников X-XII вв. в Волго-Камье, содержащие аналогичные образцы материальной культуры – поясная гарнитура, оружие и конское снаряжение.

1 – Бакалинские курганы; 2 – Кушувлевский могильник; 3 – Танкеевский мог.; 4 – Тетюшское гор.; 5 – Усть-Кишергский мог.; 6 – Биляр; 7 – Измерское пос.; 8 – Ябалаклинское сел.; 9 – Старо-Куйбышевское пос.; 10 – Семеновское пос.; 11 – Золотаревское пос.; 12 – Муромское гор.; 13 – Крюково-Кужновский мог.; 14 – Армиевский мог.; 15 – Елизавет-Михайловский мог.; 16 – Красный Восток мог.; 17 – Журавский II мог.; 18 – Старо-

Бадиковский мог.; 19 – Подболотьевский; 20 – Александровские кург.; 21 – Погровские кург.; 22 – Алебастровая гора кург.; 23 – Буранный кург.; 24 – Увак кург.; 25 – Рубежинский кург.; 26 – Челкар кург.; 27 – Новоузенский кург.; 28 – у гор. Саратова кург.; 29 – Жититамакские кург.; 30 – Свинуха (Лесное) кург.; 31 – Никольевский кург.; 32 – Букановский кург.; 33 – Глазуновский кург.; 34 – Высокая гора кург.; 35 – Кураевский сад кург.; 36 – Кос-Оба кург.; 37 – Кара-Оба (Джангала) кург.; 38 – Черная Падина кург.; 39 – Фриденберг кург.; 40 – Быковский кург.; 41 – Верхнепогромный кург.; 42 – Верхн. Балыклей кург.; 43 – Волжский кург.; 44 – Восточн. Маныч кург.; 45 – Джангар кург.; 46 – Заплавное кург.; 47 – Иловатка кург.; 48 – Молчановка кург.; 49 – Новоузенск кург.; 50 – Ченин кург.; 51 – Черноярский кург.; 52 – Элистинский кург.; 53 – Кара-Су кург.; 54 – Сор-Айдин (Нов. Казанка); 55 – Ак-Булак кург.; 56 – Бахтияровские кург.; 57 – Волжский I кург.; 58 – Калиновский кург.; 59 – Киляковка кург.; 60 – Колобовка кург.; 61 – Кривая Лука кург.; 62 – Кулешовский кург.; 63 – Досанг кург.; 64 – Пчельник кург.; 65 – Чограй кург.; 66 – Старица кург.; 67 – Лебедевка кург.; 68 – Илецкая защита кург.; 69 – Нижняя Стрелка мог.; 70 – Веселовский мог.; 71 – Черемисское кладбище мог.; 72 – Юмский мог.; 73 – Дубовский мог.; 74 – Русенихинский мог.; 75 – Кузьминский мог.

Fig. 2. Map of monuments of the X-XII centuries in the Volga-Kamye, containing similar samples of material culture – belt set, weapons and horse equipment. 1 – Bakalinsky mounds; 2 – Kushulevsky burial ground; 3 – Tankeevka burial ground; 4 – Tetyushskoye settlement; 5 – Ust-Kishertsy burial ground; 6 – Bilyar; 7 – Izmeri settlement; 8 – Yabalaklinskoye settlement; 9 – Staro-Kuibyshevskoye settlement; 10 – Semenovskoye settlement; 11 – Zolotarevskoye settlement; 12 – Muromskoe settlement; 13 – Kryukovo-Kuzhnovskiy burial ground; 14 – Armievskiy burial ground; 15 – Elizabeth-Mikhailovskiy burial ground; 16 – Krasny Vostok burial ground; 17 – Zhuravskiy II burial ground; 18 – Staro-Badikov burial ground; 19 – Podbolotyeveskiy; 20 – Alexandrovskiy mounds; 21 – Pogrovskiy mounds; 22 – Alebastrovaya Gora mound; 23 – Buranny mound; 24 – Uvak mound; 25 – Rubezhinskiy mound; 26 – Chelkar mound; 27 – Novouzenskiy mound; 28 – near Saratov city mound; 29 – Zhitamakskiy mound; 30 – Svinukha (Lesnoye) mound; 31 – Nikolevskiy mound; 32 – Bukanovskiy mound; 33 – Glazunovskiy mound; 34 – Visokaya Gora mound; 35 – Kuraevskiy Sad mound; 36 – Kos-Oba mound; 37 – Kara-Oba (Dzhangala) mound; 38 – Chyornaya Padina mound; 39 – Frydenberg mound; 40 – Bykovskiy mound; 41 – Verkhnepogromny mound; 42 – Verkhn. Balykley mound; 43 – Volzhskiy mound; 44 – Vostochn. Manych Mound; 45 – Dzhangar mound; 46 – Zaplavnoye mound; 47 – Ilovatka mound; 48 – Molchanovka mound; 49 – Novouzenskiy mound.; 50 – Chenin mound; 51 – Chernoyarskiy mound; 52 – Elistinskiy mound; 53 – Kara-Su mound; 54 – Sor-Aydin (Nov. Kazanka); 55 – Ak-Bulak mound; 56 – Bakhtiyarovskiy mounds; 57 – Volzhskiy I mound; 58 – Kalinovskiy mound; 59 – Kilyakovka mound; 60 – Kolobovka mound; 61 – Krivaya Luka mound; 62 – Kuleshovskiy mound; 63 – Dosang mound; 64 – Pchelnyk mound; 65 – Chogray mound; 66 – Staritsa Mound; 67 – Lebedevka mound; 68 – Iletskaaya zashchita mound; 69 – Nizhnyaya Strelka burial ground; 70 – Veselovskiy burial ground; 71 – Cheremisskoye kladbishche burial ground; 72 – Yumskiy burial ground; 73 – Dubovskiy burial ground; 74 – Rusenikhino burial ground; 75 – Kuzminskiy burial ground.

могли использоваться и в военном деле как метательные копья-сулицы (Крыласова, 2019, с. 208). Они также хорошо известны на Руси и в Волжской Болгарии.

Двулезвийные мечи и наверхия булавы (оружие, заведомо импортное) также в единичных экземплярах известны на рассматриваемой территории. Но найдены они были случайно, вне погребальных комплексов и даже не на поселениях, поэтому заключение А.В.Данича о популярности булавы, как относительно простого и дешевого оружия, и о возрастании их роли в XII-XIII вв. (Данич, 2012, с. 347-348) «повисает в воздухе» поскольку археологическим материалом не подтверждается. Во-первых, не такими уж простыми в изготовлении (значит не такими уж дешевыми) были сложные по форме наверхия этих булавы (Данич, 2012, рис. 1).

Во-вторых, все три известные в регионе наверхия булавы были, как сказано выше, найдены случайно. Поэтому, как, откуда, от кого и зачем они попали в леса Прикамья, сказать трудно.

Предметы конского снаряжения – удила и гораздо реже стремяна (табл. 1) – найдены в основном у мордвы и финно-пермяков лесного Прикамья. В марийских погребениях они единичны. Типологически все эти предметы аналогичны кочевническому удилам и стремянам. Можно ли считать их предметами прямого заимствования? Может быть и да. Хотя аналогичные удила и стремяна в гораздо больших количествах известны не только у кочевников, но и на Руси. Поэтому вполне логично мнение С.В.Святкина о том, что разнообразие стремян, найденных, например, в погребениях мордвы, «которые использовались разными народами, проживавшими на территории Восточной Европы в эпоху средневековья, говорит о наличии развитых торговых и военных связей мордвы с древнерусскими княжествами и волжскими булгарами» (Святкин, 2001, с. 69).

Гораздо более выразительным свидетельством того, что мордва заимствовала у кочевников конскую узду⁷, является находка конского оголовья огузского типа, украшенного накладками и бляхой-решмой, из могильника Пятница VII (погр.1) (Святкин, 2001, с. 69-70). Но для рассматриваемой территории и рассматриваемого круга памятников это единственная находка.

И наконец, сабли. То, что они заведомо широко представлены в кочевнических погребениях, в этом нет ничего удивительного (табл. 1). И то, что они представлены только в отдельных погребениях волго-камских оседлых племен, тоже нет ничего удивительного: сабля оружие отнюдь не лесного воина⁸. Большинство сабель из рассматриваемых погребений с оружием было найдено в погребениях Мордвы (буртасов). Тем не менее, сообщение ал-Гарнати о том, что в северные леса клинки поступали из стран ислама, может быть применено и к ним. Тем более, что в X-XII вв. Волжская Болгария уже тоже являлась страной ислама.

И в заключение обратимся к периоду Золотой Орды. Материальная культура золотоордынских кочевников, по мнению исследователей социально-экономической и социально-политической истории этого государства, являлась частью т.н. «имперской культуры» Золотой Орды. Её составляющими элементами, являлись, кроме урбанистической восточной культуры, несколько категорий вещей, принесенных монголами с востока и в XIII-XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы. К ним относятся: серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью, железные плоские наконечники стрел-срезней, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор бокка (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 107) (рис. 3). Ареал их распространения жестко коррелируется с ареалом кочевнических курганов XIII-XIV вв. в степях Волго-Уралья (рис. 4). А в памятниках мордвы, марийцев и удмуртов этого времени они вообще отсутствуют. Хотя фрагменты золотоордынской кашинной керамики на некоторых поселениях лесной полосы Волго-Уралья присутствуют. Естественно, как продукт торгового обмена. Но кочевники такой керамики, как известно, не производили.

Итак, какие из всего сказанного выше **можно сделать выводы?** Первый – археологический материал никакой информации о **прямых торговых контактах** оседлых финских, финно-пермских племен Волго-Камья с кочевниками в X-XIV вв. **не дает**. И вообще, создается впечатление, что в подобных контактах ни у тех, ни у других не было нужды. И действительно, что мог дать кочев-

Рис. 3. Элементы «имперской культуры» Золотой Орды XIII-XIV вв. 1-7 – наконечники стрел-срезни; 8-10 – берестяные колчаны; 11-13 – костяные накладки колчана; 14-21 – серьги; 22-23 – реконструкция головного убора – бокка; 24-25 – детали бокка; 26-29 – бронзовые зеркала.

Fig. 3. Elements of the Golden Horde "imperial culture" of the XIII-XIV centuries. 1-7 – heads of cutting arrows; 8-10 – birch bark quivers; 11-13 – bone plate of the quiver; 14-21 – earrings; 22-23 – reconstruction of the headdress – Gugu hat; 24-25 – details of the Gugu hat; 26-29 – bronze mirrors.

ник оседлому лесовику? Скот – в лесу он был не нужен. Дорогие ткани и украшения – ткани кочевники сами получали от заезжих купцов и вряд ли были настроены перепродавать их ещё кому-то, а семантика кочевнических украшений была непонятна лесному человеку и наоборот.

Что касается поясной гарнитуры, то, во-первых, её элементы, аналогичные (и даже идентичные) по форме и декору финским, финно-пермским и кочевническим известны в погребальных и поселенческих памятниках волжских болгар. Что позволяет присоединиться к мнению исследователей (А.М.Белавин, Н.Б.Крыласова, Т.Б.Никитина и др.), считающих Волжскую Болгарию центром производства и распространения этих вещей в регионе.

Во-вторых, как было сказано выше, прикамские финно-пермяки и сами освоили производство поясной гарнитуры в своих литейных мастерских. Так что кочевники Волго-Уральских степей в данном контексте сами выступали не более чем потребители этих изделий и, вероятнее всего – от волжских болгар⁹

Оружие – кочевническая «паноплия» – это вооружение конного воина, привыкшего действовать на открытых степных пространствах. Лесовику его оружие не нужно. Поэтому все предметы вооружения, указывающие на вероятное степное влияние, в лесной «паноплии» занимали очень незначительное место и имели, вероятнее всего, социально-статусный характер¹⁰.

Вывод второй – лесные охотники Волго-Камья снабжали кочевников (кочевую знать) пушниной. О чем, например, прямо сообщает В.Рубрук: «из России, из Мокселя (Maxel)¹¹, из великой Булгарии и Паскатира, то есть великой Венгрии¹², из Керкиса¹³ (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им («татарам» - *авт.*) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах и в которые они одеваются зимою» (Путешествие..., 1957, с. 98). Здесь обращает на себя внимание фраза **о северных странах, которые повинуются татарам**. Если учесть, что путешествие В.Рубрука состоялось в 1253-1255 гг., ясно, что Русские княжества, Волжская Болгария, Мордва и племена Предуралья уже находились под властью монголов. То есть, меха в степь (а также, может быть, и те товары, о которых сообщал ал-Гарнати: рыбий клей, древки для стрел) поступали уже в виде дани через чиновников баскаков и даруг.

А в более раннее, домонгольское время поступление мехов к степной знати осуществлялось через купцов. Волжские болгары, например, для скупки товара, в первую очередь пушного у охотников лесного Прикамья в X-XII вв. построили торгово-ремесленный форпост – город Афула (Рождественское городище) (Белавин, Крыласова, 2008).

Вывод третий (основной) – **оседлые лесные племена и степные кочевники Волго-Уралья не имели непосредственных**

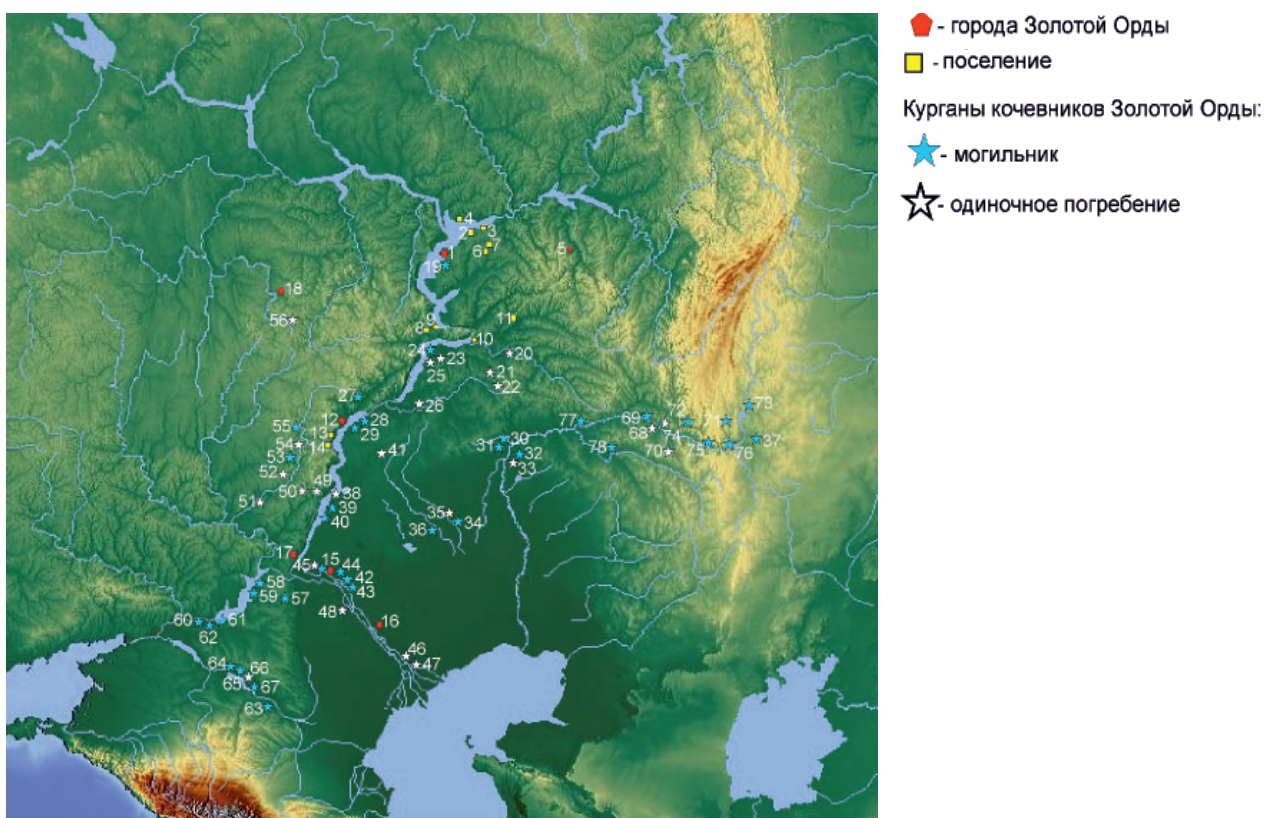

Рис. 4. Карта распространения элементов «имперской культуры» Золотой Орды в Волго-Уралье.

- 1 – Болгар; 2 – Песчаный остров; 3 – Посадки; 4 – Лайшево; 5 – Байряки-Тамакский; 6 – Билярское; 7 – Торецкое; 8 – Губино; 9 – Шигонское I; 10 – Постников враг; 11 – Сухореченское; 12 – Увек; 13 – Хмелевское; 14 – Широкий буерак; 15 – Царевское; 16 – Селитренное; 17 – Бельджамен; 18 – Мохши; 19 – Балымерский; 20 – Гвардейцы; 21 – Новопавловский; 22 – Свх. им. Луначарского; 23 – Кировский; 24 – Александровский; 25 – Абашевский; 26 – Пугачев; 27 – Усть-Курдюм; 28 – Покровск; 29 – Зауморье; 30 – Алебастрово; 31 – Мамбеталы; 32 – Жаман-Каргала; 33 – Челкар; 34 – Джангала (Кара-Оба); 35 – Джангала; 36 – Мокринский; 37 – у пос. Большевик; 38 – Бережновский; 39 – Бережновский I; 40 – Бережновский II; 41 – Блюменфельд; 42 – Колобовка; 43 – Маляевка; 44 – Бахтияровский; 45 – Заяры; 46 – Золотушинское; 47 – Маячный Бугор; 48 – Барановский; 49 – Камышинское; 50 – Иловля; 51 – Гусевское; 52 – Слобода Рудня; 53 – Лесное; 54 – Петровск; 55 – Аткарский; 56 – Рамзай; 57 – Цаган-Усн; 58 – Нагавский; 59 – хут. Веселый; 60 – Семенкин; 61 – Первомайский VII; 62 – Вербовый лог VIII; 63 – Гува; 64 – Архаринский; 65 – Адрын; 66 – Джангар; 67 – Лола; 68 – Буранчи; 69 – Пчельник; 70 – Алабайтал; 71 – Ишкуловский; 72 – Тлявгуловский; 73 – Покровский; 74 – Новочеркасский VII; 75 – Хабарный; 76 – Ново-Кумакский; 77 – 2-я верста Илецкой защиты; 78 – Линеvский.

Fig. 4. Map of the distribution of elements of the Golden Horde "imperial culture" in the Volga-Urals.

- 1 – Bolgar; 2 – Peschanyy ostrov; 3 – Posadki; 4 – Laishevo; 5 – Bayryaki-Tamakskiy; 6 – Bilyarskoye; 7 – Toretskoye; 8 – Gubino; 9 – Shigonskoye I; 10 – Postnikov vrag; 11 – Sukhorechenskoye; 12 – Uvek; 13 – Khmelevskoye; 14 – Shirokiy buyerak; 15 – Tsarevskoye; 16 – Selitrennoye; 17 – Beldzhamen; 18 – Mokhshi; 19 – Balymerskiy; 20 – Gvardeytsy; 21 – Novopavlovskiy; 22 – Svkh. im. Lunacharskogo; 23 – Kirovskiy; 24 – Aleksandrovskiy; 25 – Abashevskiy; 26 – Pugachev; 27 – Ust-Kurdyum; 28 – Pokrovsk; 29 – Zaumorye; 30 – Alebastrovo; 31 – Mambetaly; 32 – Zhaman-Kargala; 33 – Chelkar; 34 – Dzhangala (Kara-Oba); 35 – Dzhangala; 36 – Mokrinskiy; 37 – near settlement of Bolshevik; 38 – Berezhnovskiy; 39 – Berezhnovskiy I; 40 – Berezhnovskiy II; 41 – Blyumenfeld; 42 – Kolobovka; 43 – Malyayevka; 44 – Bakhtiyarovskiy; 45 – Zayary; 46 – Zolotushinskoye; 47 – Mayachnyy Bugor; 48 – Baranovskiy; 49 – Kamyshinskoye; 50 – Ilovlya; 51 – Gusevskoye; 52 – Sloboda Rudnya; 53 – Lesnoye; 54 – Petrovsk; 55 – Atkarskiy; 56 – Ramzay; 57 – Tsagan-Usn; 58 – Nagavskiy; 59 – khut. Veselyy; 60 – Semenkin; 61 – Pervomayskiy VII; 62 – Verbovy log VIII; 63 – Guva; 64 – Arkharinskiy; 65 – Adryn; 66 – Dzhangar; 67 – Lola; 68 – Buranchi; 69 – Pchelnik; 70 – Alabaytal; 71 – Ishkulovskiy; 72 – Tlyavgulovskiy; 73 – Pokrovskiy; 74 – Novocherkasskiy VII; 75 – Khabarnyy; 76 – Novo-Kumakskiy; 77 – 2-ya versta Iletskey zashchity; 78 – Linevskiy.

контактов между собой. Ни письменные источники, ни археологический материал не дают нам указаний на подобные контакты. Географическая удаленность (рис. 2 и 4), а главное – гомогенность двух ментальностей (в чем-то даже полярных друг другу) отнюдь не способствовали их сближению и взаимному интересу друг к другу. Одним словом: два разных мира, две разных культуры «и вместе им не сойтись».

Примечания:

¹ То есть, его невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

² Кого он считал «первостепенными» автор не указывает.

³ Причем, выявленных не только в степях Волго-Уралья, но и далее на запад до Дуная.

⁴ Но это уже оружие поединка и повсеместно встречающиеся в погребениях хозяйственные ножи таким оружием вряд ли могли быть.

⁵ Практически в каждом погребении со стрелами присутствует топор.

⁶ В таком качестве пики находились на вооружении российской (и не только) кавалерии ещё в начале XX в.

⁷ Что, впрочем, вполне могло быть и военным трофеем.

⁸ Двадцать погребений с саблями из Бояновского могильника здесь не учитываются, так как этот могильник, по определению А.В.Данича, датируется VIII-X вв. (Данич, 2022). А поскольку памятник пока не опубликован полностью, установить, какая его часть относится к X в., а какая к более раннему периоду (венгерскому), не представляется возможным.

⁹ Кстати, можно указать, что поясные наборы и детали гарнитуры у печенегов и огузов чаще встречаются в погребениях, расположенных именно в Поволжье.

¹⁰ Показательный пример – результаты технико-технологического анализа сабель из Бояновского могильника показывают, что по качеству металла, из которого были изготовлены клинки, они вообще были непригодны к бою (Данич, 2022, с. 128-130).

¹¹ Мордва.

¹² Лесное и лесостепной Предуралья.

¹³ Енисейские кыргызы.

ЛИТЕРАТУРА

Акилбаев А.В. Вятско-Ветлужское междуречье в системе влияния Волжской Булгарии // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 275–277.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.

Данич А.В. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2011. С. 98–115.

Данич А.В. Дополнительные виды вооружения Пермского Предуралья (булавы, кистени, дубины) // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 345–350.

Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 10. / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2015. С. 71–124.

Данич А.В. Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. Вып. 3. С. 20–43.

Данич А.В. Сабли Пермского Предуралья. // Военная археология. Вып. 7 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.; Тула: ИА РАН, Куликово поле, 2022. С. 118–161.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 281 с.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, 2006. 162 с.

Иванова М.Г. Памятники бассейна р. Чепца // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. Ред. А.Г.Ситдикув, отв.ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 650–667.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.

Кирпичников А. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути» (Казань, 28-29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 9–35.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Издательство Олега Абышко №, 2020. 416 с.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Крыласова Н.Б. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае // Земля наша велика и обильна. Сборник статей, посвященный 90-летию А.Н.Кирпичникова / Отв. ред. С.В. Белецкий. СПб.: Невская типография, 2019. С. 201–214.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарпулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 56–72.

Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 2. СПб., 1903. 207 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. / Tatyjana Bagisevna Nyikitina. Veretes övek a Vetluga-Vjatka-folyóköz 9-11. századi régészeti hagyatékában. / Magyar fordítás és szerkesztés Turk Attila – Jancsik Balázs. Budapest, 2023. 227 p.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX–XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 77–79.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 336–344.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М.: Наука. 1971. 134 с.

Петрухин В. Русь, Хазария и водные пути Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути» (Казань, 28-29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 153–163.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Дада. СПб., 1869. 199 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Akilbaev, A. V. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (Archeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural archeological meeting): The materials of all-Russia (with international participation) scientific conference)*. Izhevsk: Udmurtia University, 275–277 (in Russian).

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii trgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Danich, A. V. 2011. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 7. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 98–115 (in Russian).

Danich, A. V. 2012. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 10. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 345–350 (in Russian).

Danich, A. V. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)*. Perm: 10. Perm:

Danich, A. V. 2019. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* III, 20–43 (in Russian).

Danich, A. V. 2022. In Dvurechensky, O.V. (ed.). *Voennaia arkheologiya. (Military Archaeology)* 7. Moscow; Tula: Institute of Archeology of RAS, “Kulikovo pole” Publ., 118–161 (in Russian).

Zakhoder, B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma). (Interaction of the Forest and Steppe of the Ural–Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials))*. Perm (in Russian).

Ivanova, M. G. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bulgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 650–667 (in Russian).

Iskhakov, D. M., Izmaylov, I. L. 2007. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) (Ethnopolitical history of the Tatars (3rd – mid-16th centuries))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (The Great Volga Route)*. Kazan: “Master Lain” Publ., 9–35 (in Russian).

Kradin, N. N. 1992. *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoy kharakteristiki) (Nomadic societies (issues of formational characteristics))*. Vladivostok: “Dalnauka” Publ. (in Russian).

Kradin, N. N. 2020. *Kochevniki i vseмирnaya istoriya (Nomads and world history)*. Saint Petersburg: “Oleg Abyshko Publishing House No” Publ. (in Russian).

Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B. 2019. *Zemlya nasha velika i obil'na. Sbornik statey, posvyashchenny 90-letiyu A.N.Kirpichnikova (Our land is vast and plentiful. Collected article,s dedicated to the 90th anniversary of A.N. Kirpichnikov)*. Saint Petersburg: “Nevskaya tipografiya” Publ., 201–214 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A., Sarapulov, A. N. 2019. In *Vestnik Permskogo Universiteta (Bulletin of Perm University)* 44 (1), 56–72 (in Russian).

Kunik, A. A. 1903. *Izvestiya al-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh (Reports by al-Bekri and other authors about Rus and the Slavs)*. Part 2. Saint Petersburg (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX-XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluzh-Vyatka interfluve of the 9th-11th centuries)*. Budapest (in Russian, in Hungarian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russia Archaeological Congress) II*. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for Archaeology, Russian Academy of Sciences, 77–79 (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) VIII*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

In Bol'shakov, O. G., Mongait, A. L. 1971. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) (The Journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Petrukhin, V. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (The Great Volga Route)*. Kazan: "Master Lain" Publ., 153–163 (in Russian).

Shasina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Khvolson, D. A. 1869. *Izvestiya o khazarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i rusakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar ibn-Dasta (Reports about the Khazars, Burtases, Bolgars, Magyars, Slavs and Russes by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dast)*. Saint Petersburg (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov., str. 30, Kazan, 420012, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.